

Искать общий путь к миру человеческого единства

В.М. Межуев, доктор философских наук

Я благодарен докладчику. Он был весьма ясен в своей постановке вопроса. У докладчика есть своя картина мира, которую можно принимать или нет, но он так мыслит, и с этим ничего не поделаешь. Честно говоря, я живу в другом мире. К сожалению, у меня нет времени для изложения всей системы аргументов, обосновывающих мое видение современного мира. Но, очевидно, не только я, но и каждый из присутствующих здесь мог бы предъявить подобную систему.

Что можно вкратце сказать в ответ на услышанное? Прежде всего то, что Александр Гельевич, при всей своей нелюбви к Западу, очень западный человек — даже более западный, чем все русские западники вместе взятые.

Коснусь лишь одной Вашей идеи, поскольку нет возможности затронуть все. Вы говорите: Россия — особая, самостоятельная цивилизация. Не стану акцентировать внимание на том, что латинское слово «цивилизация», пришедшее к нам из французского языка еще в 30-х гг. XIX столетия, вплоть до настоящего времени никем из русских мыслителей — ни западниками, ни славянофилами — не использовалось для обозначения того, чем является Россия. О России как особой цивилизации стали писать сравнительно недавно и явно под воздействием происшедших в ней перемен. Все великие российские историки изображали историю России как преимущественно историю государства или историю культуры.

Но ничего подобного, скажем, в «Истории цивилизации в Англии» Г. Бокля или в «Истории цивилизации во Франции» Ф. Гизо мы не найдем. Если русские западники использовали термин «цивилизация» для характеристики европейских порядков и институтов — гражданского общества, правового государства и пр., то славянофилы выступили резко критически против самого концепта цивилизации. Для них более приемлемым был термин «просвещение» — причем, в его религиозном понимании — как свет, святость. Так, Ю.Ф. Самарин в статье «По поводу мнения "Русского вестника" о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации» писал: «Давно и искренне желали мы выразуметь, что именно подразумевается под словом цивилизация, так недавно вошедшим у нас в моду, так часто повторяемым и почти совершенно вытеснившим из употребления слово просвещение». Сам Самарин объясняет популярность этого слова принятием европоцентристской модели исторического развития. Но, в любом случае, и для западников, и для славянофилов цивилизация — синоним не России, а Европы. Для России же, как считалось, более подходит термин «просвещение» или в более поздней транскрипции — «культура». Аналогичным образом обстояло дело в Германии XIX в., где эти два термина обозначали долгое время различие между Германией, с одной стороны, Англией и Францией — с другой. Но дело не только в терминах, которые, действительно, стали общеупотребительными во всех современных языках.

Считая Россию особой цивилизацией, Вы, Александр Гельевич, тем самым предполагаете, что наряду с Россией существуют и другие цивилизации, т. е. исходите из идеи множественности цивилизаций. Но ведь это квинтэссенция либерального взгляда на мировую историю. Вам бы, пожалуй, пожали руку Тойнби и ныне живущий С. Хантингтон. Идея множественности цивилизаций была введена либерально мыслящими историками в целях политкорректности: неудобно же называть неевропейские народы варварами.

Англичане, а за ними и французы, потому и распространили этот термин на все неевропейские общественные образования, как бы уравнивали их с Западом. У Данилевского, которого считают родоначальником этой идеи, речь идет все же о культурно-исторических типах, а у Шпенглера, подхватившего эту идею, цивилизация обозначает заключительную стадию развития любой культуры, несущую ей погибель.

Стремясь обосновать идею множественности цивилизаций, Вы — вслед за Тойнби — делаете еще один ход, который не может позволить себе ни один верующий человек. Тойнби, как известно, пытаясь определить, где проходит граница между разными цивилизациями, приравнял цивилизацию к религии. Религия является как бы последней границей между разными цивилизациями. Вот как ту же мысль о множественности цивилизаций обосновывает Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций». Данная теория как он считает, базируется на двух постулатах. Во-первых, на отрицании единой, общей для всех, универсальной цивилизации. По его мнению, «существует различия в восприятии понятия «цивилизация» как единственная таковая и понятия «цивилизация» как одна из многих». Если французские философы XVIII столетия противопоставили идею цивилизации — оседлого, городского и образованного общества — состоянию «варварства», то почти одновременно возникла привычка говорить о цивилизации во множественном числе. «Это означало «отказ от определения цивилизации как одного из идеалов или единственного идеала» и отход от предпосылки, будто есть единый стандарт того, что можно считать цивилизованным, «ограниченным, — по словам Броделя, — несколькими привилегированными народами или группами, «элитой» человечества. Вместо этого появлялось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему». Во-первых, не вижу здесь ничего, что расходилось бы с Вашей позицией. Во-вторых, каждая цивилизация образует собой культурную целостность, что признается всеми, за исключением Герма-

нии, в которой цивилизация и культура мыслились всегда по принципу не только различия, но и противоположности. «Немецкие мыслители девятнадцатого века провели четкую грань между понятиями «цивилизация», которое включало в себя технику, технологию и материальные факторы, и «культура», которое подразумевало ценности, идеалы и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества. Это разделение до сих пор принято в Германии, но больше нигде». Хантингтон, естественно, забыл о России, где подобное разделение признавалось также основополагающим для ее исторического самоопределения. Американский ученый не просто отстаивает идею множественности цивилизаций, что представляется ему эмпирически очевидным, но особо подчеркивает тождество цивилизации и культуры, ставя на первое место в этом тождестве религию. «Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира...». И в этом нет никакого противоречия с докладчиком.

Но что отсюда следует? Если цивилизации тождественны мировым религиям, то тем самым все они уравниваются в своем цивилизационном значении. Для верующего человека такое утверждение просто невыносимо, ибо для него есть только один Бог и одна религия — его собственная. Приравнивая цивилизации к религиям, мы тем самым доказываем, что все религии имеют земное происхождение, являются таким же культурным продуктом, как и все остальное. Или надо доказывать, что только православная цивилизация является цивилизацией, тогда как остальные не дотягивают до этого звания. Но это противоречит самой идее множественности цивилизаций. Вот почему, мысля Россию как особую цивилизацию, наравне с другими, мы мыслим в западной парадигме, столь же либеральной, сколь и атеистической.

Идея множественности цивилизаций не имеет ничего общего с так называемой «русской идеей», искавшей приемлемый для России путь развития в направлении ее не особых, а

универсальных начал, сближающих ее со всем христианским Западом. В этом отношении, не только русские западники, но и ранние славянофилы мыслили в категориях общеевропейского единства и являлись не меньшими европейцами, чем западники, но только на свой, особый лад. Недаром Иван Киреевский издавал журнал «Европеец». Если русские западники искали универсальное начало, способное примирить Россию с Европой, в разуме, то первые славянофилы (подобно немецким романтикам) искали его в духе или, если угодно, в христианской религии, общей для всех народов Европы. Те и другие, короче говоря, были озабочены не поиском того, что разделяет Россию и Европу, а того, что их может объединить. Надо совсем не считаться с историей русской мысли, чтобы не услышать заключенного в ней призыва не к разделению, а к объединению России и Европы.

Все, конечно, изменилось с момента выхода в свет книги Данилевского «Россия и Европа», которую Соловьев назвал «вырождением славянофильства», не отрицавшего при своем возникновении духовной близости России и Европы. Именно отсюда берет начало линия консервативного русского национализма (который, кстати, Бердяев называл «консервативным западничеством», полагая, что национализм сам по себе чужд России и был привнесен в нее западными влияниями), вплоть до возникновения евразийства. Сегодня книга Данилевского с ее идеей чуждости славянской культуры всему европейскому поднята на щит, но мы забываем, что русская религиозная философия — в лице ее выдающихся представителей — выступила с осуждением этой книги.

Вот хотя бы мнение на этот счет замечательного русского богослова и философа Г. Флоровского. Превращение изначально заключенного в учении славянофилов вселенского, общечеловеческого начала в начало исключительно национальное, касающееся только одного народа, а именно русского, он называет «философским “грехопадением” славянофильства». В результате такого превращения русский народ

из народа, подобного всем, предстал «высшим народом», первым среди других, единственным носителем божественной мудрости и правды. В статье «Вечное и преходящее в учении русских славянофилов» Флоровский пишет: «В каждой мелочи, в каждой особенности русского быта отыскивалось некоторое высшее содержание, и отсюда с неизбежностью вытекала идеализация старины как старины, и своего именно как своего. Из того, что славянству и России надлежит осуществить определенный общечеловеческий идеал и осуществить, быть может, в первую очередь между другими народами, делался вывод, что этот идеал есть славянский идеал, выражает собою сущность именно славянского духа как такового и, следовательно, вся история славянства вплоть до малейших подробностей представляет собой воплощение некоторой высшей нормы. Так открывался полный простор мессианистическим соблазнам и возникала опасность забыть о том, что ценность создается только воплощаемой *идеей*, и впасть в культ «отвлеченной» самобытности».

В статье Флоровского четко обозначен слом в учении славянофилов, который произошел на рубеже 60–70-х гг. XIX столетия. Можно называть этот слом «вырождением» или «грехопадением» славянофильства, но его суть состоит в переходе от универсальной (этической, прежде всего) перспективы развития России к перспективе ее национально обособленного существования. Этическое заменяется этническим. Славянофильство перерождается в русофильство с его представлением о полном несходстве русского народа со всеми остальными. Сам Флоровский называет этот слом переходом от «этического национализма» к «антропологическому»: первый апеллирует к общей *идее*, второй — к эмпирическому *факту*, к тому, что лежит на поверхности явления. Ведь различия более очевидны, чем сходства. Идеализм первых как бы пал под натиском позитивизма вторых. Но именно отсюда берет начало история русского национализма новейшей формации, который при всех своих внутренних

размежеваниях сходится в одном — в нежелании вступить хоть в какой-то диалог с Европой, в отторжении не только ее цивилизации, но и культуры.

Примером подобного отторжения может служить мнение В.Ф. Эрна, который в статье, посвященной только что открывшемуся журналу «Логос», попытался поставить под сомнение какую-либо ценность всей европейской философии Нового времени, противопоставив ей в качестве образца подлинно философской мысли русскую философию. «Такого огульного и безмерного национального самомнения в области философии, — писал С. Франк об этой статье, — нам до сих пор не приходилось встречать» (С.Л. Франк. Русское мировоззрение. С. 104). «Конечно, прискорбно, — завершает он свою полемику с Эрном, — когда молодые русские философы поклоняются каждому слову Риккерта или Когена и не читают Вл. Соловьева и Лопатина, или не замечают их философского значения. Но, быть может, еще более прискорбно то националистическое самомнение, которое в оценке национальной философии не знает меры и перспективы и дерзостно попирает вечные ценности европейской мысли» (там же. С. 112).

Докладчик, конечно, прав, когда говорит, что Россия в лице славянофилов искала свой проект модерна, отличный от просветительского. Но ведь и Европа не была единодушной в оценке своей современности. Оппонентами просветителей выступили в Европе романтики, чьими последователями, хотя и на православной почве, стали наши славянофилы. Спор славянофилов с западниками — часть общеевропейского спора на тему о том, что может объединить всю Европу, включая и Россию. Вы ссылались на идею целостности и соборности как отличительные особенности русской духовности. Тоже вроде бы верно. Но соборность — не просто коллективизм, где все на одно лицо, а высшая формы индивидуализма, дающая простор развитию личностного начала в человеке. Идея соборности — это идея Церкви как формы

организации не только религиозной, но и мирской жизни, как своеобразной духовной общины, базирующей не только на правовых, но и на моральных основаниях. Все правильно. Но ведь эта славянофильская идея была не констатацией того, что уже состоялось в России, а что должно только состояться в будущем. Никакой идеализации русской старины в ней не было. Наоборот, славянофилы были весьма критичны по отношению к реальной эмпирической России. «Русская идея» с ее призывом к соборности — своеобразная религиозная утопия, не менее великая, чем те, которые рождались на Западе. Она фиксировала то, что Россия хотела для себя, но не то, чем она была в реальности. Видеть в «русской идее» отражение реальной России — значит ставить проблему с ног на голову, оправдывать то, что славянофилы хотели преодолеть с помощью этой идеи — крепостное право, полицейщину, цензуру, деспотизм власти, отсутствие свободы и пр. Быть патриотом России означает, на мой взгляд, желать не ее обособления и изоляции от других народов и стран, не консервации ее отличий от всех остальных, а нахождение вместе с другими общего пути к миру человеческого единства, любви и согласия, построенному на принципах свободы, самой высокой морали и социальной справедливости. Не в Западную Европу надо стремиться России (и не противопоставлять себя ей), а в цивилизацию, которая базируется на общих с Европой, а, возможно, и всего человечества, универсальных основаниях. Не европейцами или американцами должны стать русские, а теми, кто, оставаясь самими собой, могут жить вместе со всем человечеством, говорить на общем и понятном для всех цивилизованных людей языке.

А.И. Неклесса:

Мне всегда неприятно прерывать цельное, имеющее внутреннюю композицию рассуждение. Говоря это, я отнюдь не призываю к его усекновению. Напротив, я благодарен Вадиму Михайловичу за только что высказанное им рассуждение.

Порою нарушение регламента не столь уж важно. Но, коллеги, поймите меня, пожалуйста, правильно. Поскольку время нашего семинара все-таки ограничено, и т. к. я, по большому счету, чувствую себя вправе радикально «наступить на горло» лишь «собственной песне», то, во-первых, господа, записывайтесь заранее для выступлений — из этого мне будет виден лимит для послаблений регламента; а во-вторых, когда выступаете, учитывайте, пожалуйста, что на сегодняшнем заседании присутствует больше, нежели обычно, участников, и многие хотят высказать свое мнение.

